

Виктор АРНАУТОВ

**ОТ ЛЁГКОЙ ИРОНИИ
ДО ГРОТЕСКА,
ИЛИ ГИПЕРТРОФИРОВАННАЯ
РЕАЛЬНОСТЬ АЛЕКСАНДРА
БРЮХОВЕЦКОГО**

**(Отклик на книгу А. Брюховецкого
«Запах солнца»)**

В 2019 году вышел в свет сборник рассказов «Запах солнца» члена Союза писателей России, кузбасского автора Александра Брюховецкого, уже пятый. С прозой этого писателя мне довелось встречаться неоднократно, в том числе и в подаренных с автографами сборниках «Летающий мужик», «Камень», «Красиво живём» и «Поехать в небывалое». Некоторые его рассказы читал ещё в рукописях, направляемых в редакцию журнала «Огни Кузбасса», и журнал охотно предоставлял свои страницы его сочинениям. Я не оговорился, ибо именно слово «сочинения» наиболее удачно подходит к каждой его работе. Он не просто копирует, бытописует то, что видит вокруг себя, – он моделирует, конструирует из реально увиденного и существующего нечто новое, иными словами, именно *сочиняет модель типического*.

Уже с самых первых его творений я понял, что имею дело с неординарным современным писателем, но придерживающимся традиций русской классики. И в первую очередь – классиком русской сатиры, в числе коих Д. И. Фонвизин, А. С. Грибоедов, Н. В. Гоголь, А. Е. Салтыков-Щедрин, А. П. Чехов. Мало того, А. Брюховецкий, будучи художником по профессиональному образованию, сумел *словесно* удачно использовать приёмы сатиры таких художников с мировым именем, как Альбрехт Дюрер, Франсиск Гойя, Оноре Домье, Иероним Босх, Сальвадор Дали... И, как мне думается, получилось у него это вполне профессионально и качественно!

В новом сборнике 14 рассказов и... несколько стихотворных сочинений. Остановлюсь лишь на его прозе. О чём она? В широком смысле – о нынешнем мире, о нас с вами, о тех проблемах, которые беспокоят. В его рассказах очень многое узнаётся – и не только через наше окружение, но и через себя лично – ассоциативно-конкретно. Иное дело – под каким «соусом» это подать, с какого ракурса взглянуть, в какое зеркало посмотреть на самого себя – абсолютно плоское или же слегка искривлённое? Вот тут-то мне и видится весь А. Брюховецкий! В художественном арсенале писателя-философа целый набор таких зеркал – и плоских, и искривлённых. А ис-

кривлённых для того, чтобы наиболее выпукло изобразить какой-либо порок, недостаток – как отдельного человека, так и какую-либо социальную болезнь нашего современного общества. Разные зеркала он зачастую применяет в пределах одного художественно-завершённого творения. Иногда это подаётся в сопоставлении, сравнении с тем, что было, что положительно устоялось; с тем, что является незыблемо-сакральным. И что самое главное, ни один из рассказов не оставляет читателя равнодушным.

Мы уже почти затаскали, затёрли, как разменную монетку, до обезличивания философско-эстетическое кредо Ф. М. Достоевского о том, что красота спасёт мир.

Попытался на это взглянуть по-своему и А. Брюховецкий в рассказе «Без лица». Пятидесятилетний бывший шахтёр Михаил Притыкин, похоронив жену, постепенно стал опускаться, растрачивая всё человеческое. За полгода после смерти жены запустил он и свою квартиру: «В доме грязь густая, тенёта по углам». Под стать ему и собутыльник – «бобыль преклонных лет со стажем» Вася Кабанцов. И то ли от того, что в жизни не было настоящей любви, то ли от иных неустроенностей оба они вдруг перестали замечать красоту. И вот это-то именно и обезличило их самих как в переносном, так и в прямом смысле. Михаил Притыкин вдруг лишился своего лица, как гоголевский майор Ковалёв однажды не обнаружил на лице своего носа. Так бы, похоже, и доживал свой остатний век Миша Притыкин, стыдись даже выйти на люди (с пустым-то лицом), если бы не влюбился вдруг он в красавицу-телеведущую Катю. И виртуальный образ телеведущей Кати вдруг материализуется у Притыкина в красоту реальной женщины.

Художник слова и кисти А. Брюховецкий, как классический Пигмалион-ваятель, сочиняет для Притыкина и Васи Кабанцова свою оригинальную красавицу-Галатею. Притыкин в безделье вдруг случайно обнаруживает на реке утопленницу, вмёрзшую в лёд. Да такую, что она становится идеалом его женской красоты. И он ненароком влюбляется в эту замороженную утопленницу, оказавшуюся на деле безукоризненно совершенной куклой. От этой платонической влюблённости и созерцания женской красоты происходит метаморфоза: Притыкину вновь возвращается его лицо! Вот он – переход сочинителя Брюховецкого от реального мира в мир гротеска! Но круг-то замкнулся! Это ли не подтверждение того, что красота (через любовь) спасёт мир? Ну пусть не весь мир, так хотя бы сохранит человеческое лицо отдельной его пылинки-частички – в виде Миши Притыкина или Васи Кабанцова.

Переход от мира реального в ирреальный наблюдаем мы и в рассказе «Безутешная Скотникова». Влюблённая в своего мужа-забуддыгу и пьяницу доярка Галина Ивановна Скотникова в состоянии ссоры, аффекта и алкогольной эйфории убивает его. Мало того, она аккуратно расчленяет тело, но таким образом,

163

что следователи никак не могут отыскать голову убитого. На что женщина убедительно отвечает, что у того и не было головы вовсе! (опять гоголевский «комплекс носа майора Ковалёва»). Галину Ивановну признают психически невменяемой, а она, по-прежнему влюблённая в своего мужа, вдруг находит его в полуразрушенном бесхозном памятнике не то какому-то красноармейцу, не то какому-то дважды Герою Соцтруда. (Тут у меня почему-то возникла ассоциация с романом японского писателя Юкио Мисима о золотом храме. Суть произведения заключается в следующем: чтобы познать истинную красоту и цену чего-то, надо её непременно сначала уничтожить или разрушить.) Не потому ли и «безутешная Скотникова» убивает своего любимого Коленьку, чтобы потом всю оставшуюся жизнь оплакивать его и за добрую память о нём быть готовой «любого порешить»?

Чиновник и взяточничество (коррупция) в современном мире стали уже устойчивой парадигмой. Эта социальная тема у А. Брюховецкого не обойдена писательским вниманием. И решена она поистине гротесково в рассказе «Страшнее рака». Раковая болезнь является одной из самых трудно поддающихся лечению. А её диагноз больной воспринимает панически, как приговор. Может ли что быть страшнее этого диагноза?

Может, оказывается, как утверждает Брюховецкий. И та «болезнь» абсолютно не лечится. И поражён этой неизлечимой болезнью мздоимства весь чиновничье-административный мир. Сколько бы ни хапал чиновник, ему всё мало! Никак наесться не может. И, похоже, «болезнь» эта заложена в них даже на генетическом уровне.

Вот это и стало объектом сатирического повествования в названном рассказе. А начинается он блестяще. Не удержусь, процитирую: «Картавый Афиноген Богданович с самого детства внешностью смахивал на чиновника... Да что с детства... – такие в момент рождения уже начинают важничать: серьёзные довольно... бровки наспуют, кулачки сжимают, мол, покажу вам кузькину мать! Афиноген же Богданович, будучи малышом, тоже не давал повода усомниться в своей чиновничьей перспективе... пугая окружающих неожиданными выкриками, едва научившись произносить кое-какие слова: «Ну-ка, полози на место! Я тебе как дам! Сколько можно телпеть это безобразия?!» – и принимал при этом импозантный вид... А когда ему в шутку повесили на шею чёрный узенький галстук, то этот атрибут мужского гардероба навсегда определил его жизненную установку: «Ну вылитый начальник!». (Не напоминает ли вам это щедринского Органчика с его «Не потерплю!»?)

Генезис будущего чиновника предопределён ступеньками карьерной лестницы: комсорг в школе, на предприятии, мастер, зам. производством... Ему постоянно нужно было что-то взять, хоть по мелочам, но утлять эту растущую, к его ужасу, потребность...

«Единственная радость была у Афиногена: хапать то, что ещё не растащено, и брать, пусть и небольшие, но взятки...»

И вот, эта страсть уже перерастает в хроническую маниакальную зависимость махрового мздоимца. И чем выше чиновник рангом, тем размашистее его мзда. Это вам уже не гоголевские взятки борзыми собаками.

Сатирический колорит придают почти всем произведениям А. Брюховецкого и «говорящие» фамилии героев и персонажей: Притыкин, Кабанцов, Скотникова, Хренотяшкин, Сероштанов, Кудякин, Хобякина, Трупёрдин, Кувыркин, Семидыров, Самосуйский, Облудин, Суемудров, Семикукин, Прудиллов, Разбейнос, Фуфлыгин, Елдыгин, Сакский, Канителина, Нетерпухина, Кочегаркина...

Редко кто из писателей обошёл тему братьев наших меньших. Вот и А. Брюховецкий по-своему решил показать нам историю лошади с кличкой Рубин в рассказе «Запах солнца», давшем название всему сборнику. Имеет ли солнце свой запах, как и дождь, снег, ночь? Оказывается, имеет! Особенно для тех, кто солнце это не видел вообще, или видел, но не теперь. Солнце – символ воли и свободы, всего светлого и позитивного. Рассказ повествует о замечательном вольнолюбивом жеребце, оказавшемся в подземелье ломовой лошадию, возящей шахтовые вагонетки с углём под непрерывным понуканием коногонов. Рассказ предельно реалистичен, создаётся впечатление, что автор и не сочинил его вовсе, а сам был очевидцем описываемого. Лошадь Рубин очеловечивается. Повествование в основном ведётся от его имени, да так убедительно, что начинаешь и вправду верить, что, к примеру, песня о молодом коногоне, которого несут с разбитой головой, – это именно о том случае, к которому непокорившийся Рубин имеет непосредственное отношение.

Сатирическая окраска нашего грешного мира здесь почти не используется. Разве что сама экстраполяция – перенос нравственных ценностей человеческих в сферу животных. Ну, может быть, это касается ещё некоторых фрагментов, вроде несколько ироничного начала рассказа: «Я взял за правило о каждодневном выгуле собственного тела по набережной речки Сырой...» Да ещё и то, что огромный валун в виде конской головы и дал повод для фантазии автора. На этом валуне в один из «выгулов» и оказался незнакомый старик «с длинным седым волосом на голове, страшно худой, с вытанутым морщинистым лицом и блёклыми навязат глазами, <...> похожим на лошадь». И вот этот старик уже трансформируется в реальную лошадь Рубин, рассказы-вающую о своей нелёгкой судьбе...

Бурлесково выглядит рассказ «Левитация для двоих». Его главные персонажи – писатель-фантаст (племяш) и его дядя. Племяш-писатель работает над романом, в котором главный герой – полковник, возвратившись на Землю, оказывается в знойной пу-

167

стине. Ему было поручено задание отыскать в космосе необычную частицу, «которая, по мнению учёных, составляла сущность собственного «я». Не получилось. Видимо, сущность собственного «я» находится не в космосе, а внутри каждого человека, пытающегося возвыситься, оторваться от обыденно-земного. И вот тут – опять некая аналогия. Дядя похож на некоторых шукшинских чудиков – воинствующих невежд, рассуждающих по-дилетантски о внеземных цивилизациях, происхождении Земли и Солнца, некоем вселенском эксперименте над землями... Дело доходит и до левитации – возможности преодоления земного тяготения, отрыва тела человека от земли и летания его.

В процесс экспериментов по левитации дяди и племяша врываються, как во снах, реальные земные персонажи – в виде некой Зои Ивановны, которая гоняется за украденными у неё две банки маринованных помидоров и творог забулдыгами; вечно пьяного участкового милиционера Мухоблудова; ожившего покойника Фуфлыгина, его собутыльников Васи Тупёрдина, Константина Семидырова, Геннадия Облудина, Фёдора Разбейноса... Мало того, бурлесковый приём достигается ещё и смешиванием прямого и переносного смыслов. Так, сидевшие на шее Зои Ивановны внуки-короеды (в переносном смысле) и впрямь оказываются у неё, бегущей за толпой, сидящими на шее, как и сам «племяш» – писатель-фантаст.

А как расценивать решение сельского схода об отстреливании воришек без суда и следствия? Тем более что на этом сельском сходе была всего одна Зоя Ивановна. То же касается и попытки племяша изваять памятник ожившему покойнику Фуфлыгину и пьяному участковому Мухоблудову. Первый вариант эскиза памятника выглядел так: «В гробу в вертикальном положении (то бишь гроб «на попа» узким местом вниз) находился покойник, я рядом – доблестный Мухоблудов, стреляющий в труп...». Не лучшим был и второй вариант памятника: «Мухоблудов, смеясь, приставляет пистолет к уху спящего Фуфлыгина, чтобы разбудить его...».

Или заговорившая вдруг собака Шарик, утверждающая, что якобы собаки ближе к Создателю – из-за отсутствия множества пороков, которыми наделены люди...

И вновь эксперименты двоих по левитации. Как будто бы даже что-то получилось, по крайней мере, после концентрации воли дядя смог оторваться от земли, а племяш, в доказательство реальности левитации, смог просунуть лист газеты между ногами и землёй... Таким образом, левитация у Брюховецкого – своеобразная метафора, попытка «собственного я», души человека в реальности оторваться от всего заурядного и хотя бы чуточку возвыситься над мелко-обыденным – пусть даже и в собственных глазах, для самого себя...

Мне думается, что наиболее значимым произведением этого сборника является эссе «За пять минут

до пробуждения». Это некий сплав реального и ирреального, рационального и иррационального, сна и яви, прошлого и настоящего. Эссе представлено в виде фантазмагии, фрагментарно, калейдоскопично. В нём как бы отсутствует единый сюжет и сюжетная линия. Но очень много всевозможных картин и картинок, народно-лубочных присказок, поговорок, шуток, анонимных стихов и проч. И почти каждый эпизод, фрагмент эссе является читателю неожиданным, как во сне. И развивается дальше метаморфозно, казалось бы, алогично, по законам сна – совершенно непонятно, как и куда занесёт его участников в следующую секунду. Но, что поразительно, видения эти становятся объёмными и, главное, узнаваемыми!

Герой – сам автор, с его жизненным опытом, его биографическими данными, его миропониманием и мироощущением. Автор откровенно делится с читателем своими мыслями и воспоминаниями, заставляет задуматься...

С автором этой книги Александром Брюховецким мы практически ровесники, а значит, наше детство, отрочество, юность, школьные, институтские и последующие годы выпали на одно и то же время, очень узнаваемое, независимо от того, где мы родились и росли, он – в Средней Азии, Казахстане, я – в сибирской глубинке. Но у нас был единый и неделимый по тем временам Советский Союз, с единым жизненным укладом, идеологией и нравственными ценностями. Потом всё рухнуло, кардинально поменялось, перевернулось с ног на голову... И как же порой хочется, чтобы всё это оказалось каким-то кошмарным сном, виденным за пять минут до пробуждения.

«Ассоциации – странное явление психики, но, возможно, самое верное в жизни человека, так же, как и наитие» – находим мы такое утверждение в эссе. Они, эти ассоциации, могут быть как специфическими для целого поколения, конкретного времени, так и сугубо индивидуальными.

Взять хотя бы узнаваемые картинки нашего детства.

Чтобы сходить в кино, нужно было взять билет за шесть (у нас было пять) копеек. Денег у деревенской детворы не было, зато можно было украдкой снести в магазин найденное или украденное куриное яйцо, за которое давали именно шесть (пять) копеек, а потом уже «их нужно было непременно отдать в широкую ладонь кинемеханика».

Или китайский фонарик: чтобы луч его был мощнее и бил дальше, наращивали корпус, делая его двойным и вставляя туда вдвое больше батареек.

А кто не певал задорно-костровую песню: «Взвейтесь кострами, синие ночи, мы пионеры – дети рабочих...».

А вот из присказок, порой фривольных: «Берия, Берия, потерял доверие, а товарищ Маленков надавал ему пинков»; «Ты, Гагарин, ты могуч, ты летаешь

165

выше туч, залети ты на орбиту, прихвати с собой Никиту...»; более позднее: «Брови чёрные, густые, речи длинные – пустые, мяса нет и масла нет – на хрена нам этот дед?».

Если говорить опять о неких аналогиях, я бы поставил в один ряд это эссе с замечательным романом-эссе «Баски» нашего кузбасского поэта и прозаика Владимира Соколова!

В данном эссе нашли своё отражение философия экзистенциалистов (не зря ведь в качестве эпиграфа взяты слова Кафки), гротесковая фантазмагория Гойи (серия «Капричос», в том числе и «Сон разума рождает чудовищ») и Питера Брейгеля, параноидально-критический сюрреализм Дали («За минуту до пробуждения...»), Пабло Пикассо и прочего авангарда... А ещё было бы уместным сравнение эссе А. Брюховецкого с трёхмерным воплощением подобных идей в архитектуре – во вьетнамском городке Далат – в «Лунной вилле» (или так называемом «Крейзи-хаусе») вьетнамской художницы-архитектора Данг Вьет Нга (мадам Хан Нга). На меня посещение этого «сумасшедшего дома» произвело впечатление незабываемое!

Приведу несколько примеров гротесковых видений и трансформаций.

Чиновники, похожие на крыс, с медалями «Тыловая крыса» и «Воздадим должное»; партийные лидеры от КПСС (гниющие с головы), сидящие в кузове машины, оказываются рыбами, на месте водителя сидел тощий пескарь, а самый тучный, импозантный был сом; энкаведэшник, у которого вместо ног вырастают копыта чёрта; «группа творческой интеллигенции раскрашивала киноварью гнилые жабры издающей рыбы... сначала соцреализм, но нас уважали, теперь капреализм – тошнит уже»; либералы-

демократы, превращающиеся в собак; кандидаты в депутаты с повторяющимися лозунгами, слышимыми тридцать лет назад; избиратели, находящиеся в грязи; «избиратели по уши в грязи, а рот не дают раскрывать... Но чувствую, мычать разрешено...»; депутат-болтун вдруг трансформируется в обычное куриное яйцо-болтун, из которого никогда не выведется цыплёнок. Дойная корова Бурёнка бабы Шуры превращается в «Газпромнефть», из соска которой вдруг брызнула чёрная жирная струя нефти.

Такие трансформации рассыпаны по всему эссе в виде бесконечного сна, смешанного с явью...

Встречается немало перлов, которые можно безо всякой натяжки отнести к афоризмам, претендующим на крылатые фразы, вот лишь их малая толика:

«Я – царь своих ощущений и желаний: явь могу воспринимать сном, а сон явью».

«Колбасой надо питаться, а если бить по голове, то только её производителя!»

«Каждому в зубы по лопате, и никакого импорта и импортозамещения не надо!»

«Жизнь почти прошла, а я всё ищу её».

«Зима похожа на санкции со стороны неприятеля».

«Так, как хочет народ, никогда не будет!»

«Всё иллюзорно – что коммунизм, что рай, но второе даёт хотя бы слабую надежду на вечность».

«Надо запретить умным думать, чтобы не оскорблять чувства тупых».

Данное эссе – безусловно, талантливо, если не гениально!

Я полагаю, что и весь сборник «Запах солнца» Александра Брюховецкого относится к настоящей современной литературе! В нём есть всё: и должная дань традициям, и тенденции модерна.